

Новая книга Александры Юрьевны Айхенвальд продолжает серию ее типологических монографий (см. [Aikhenvald 2000; 2004], не говоря о пользующихся не меньшей известностью ее грамматических описаниях и других исследованиях). Репутация автора гарантирует высокий уровень новой работы, которая посвящена типологии императивов – теме, в последние два десятилетия привлекающей к себе все больше внимания (беглое изложение истории вопроса дано в сноске на с. 15–16). Исследование основывается на материале 700 грамматик различных языков, покрывающих, как утверждает на с. 12, все основные регионы мира и возможный максимум языковых семей. При этом не используется какая-либо выборка языков – неприязнь автора к типологическим выборкам явно ощущается на протяжении книги¹.

Книга состоит из 12 глав, первая из которых служит кратким, в значительной мере техническим введением, а последняя – заключением, в котором перечисляются итоги исследования. Из прочих глав каждая снабжена своим резюме, перечисляющим основные рассмотренные в ней закономерности. Отметим также традиционную для А.Ю. Айхенвальд манеру изложения, когда каждое явление иллюстрируется на нескольких ярких примерах, а указания на другие языки, где есть сходные формы и конструкции, даются в сноске. Все это создает дружелюбный для читателя стиль, помогающий быстро найти и понять новую информацию, а при необходимости – получить более подробные ссылки. Отметим, что в заключительном разделе книги приведена анкета для описания императива при полевом исследовании.

Рассмотрим по очереди 10 собственно типологических глав книги.

Глава 2, самая длинная и по сути центральная для книги, посвящена различным способам выражения императива. Здесь же вводится терминологическое различие «канонических» и «неканонических» императивов, используемое далее на протяжении всей книги; под первыми понимаются формы 2-го лица, под вторыми – императивы прочих лиц (которые также известны как гортативы, юссивы и под рядом других имен). Это ответ А.Ю. Айхенвальд на давно дебатировавшийся вопрос о том, бывают

ли императивы не-второго лица. Как следует из терминов «канонический» и «неканонический», они бывают, но представляют собой периферию семантической области императива, в то время как формы 2-го лица – это ее центр.

В начале 2-й главы рассматриваются способы образования форм императива 2-го лица, единственного и множественного числа. Здесь, разумеется, нельзя пройти мимо примеров нулевого аффикса императива 2-го л. ед. ч., так хорошо представленных в самых разных языках; но и все прочие возможные способы образования императива 2-го лица здесь представлены – как сегментные, так и супraseгментные, и даже аналитические (наиболее редкие). Отметим примеры из жестовых языков (с. 37); насколько нам известно, ранее в типологических работах по императиву материал жестовых языков не привлекался. Естественно, образование императива следует демонстрировать на фоне способов образования аналогичных форм индикатива, и во многих случаях релевантная информация дается при примерах². Очень интересны случаи образования императива с помощью усечения: не частые, но, тем не менее, встречающиеся в разных ареалах (в книге приводятся примеры из латинского, дирбала, тибето-бирманского языка думи и некоторых других). В этом же разделе описываются случаи супплетивных и нерегулярных императивов; в самых разных языках к образованию нерегулярных форм императива склонны глаголы с одними и теми же значениями (см. об этом специально [Гусев 2005]). Наконец, здесь же показывается использование неимперативных форм для выражения повеления; правда, в этой главе – только по отношению ко 2-му лицу; далее выражению повеления с помощью неспециализированных форм будет посвящена отдельная глава 8.

Следующий раздел посвящен императивам не-второго лица. Здесь изложение построено по иной схеме. Не рассматриваются отдельно

¹ Еще более решительно А.Ю. Айхенвальд высказывается по поводу гипотез дальнего родства языков (что в общем-то не имеет отношения к теме книги), отказывая им в праве даже появляться на страницах научных работ (с. 13).

² Правда, не во всех, что иногда приводит к неточным формулировкам: на с. 23 утверждается, что у некоторых немецких глаголов императив 2-го л. ед. ч. образуется с помощью чередования корневой гласной и нулевого окончания лица и числа: *sprechen* – *sprich* ‘говори’, но *sprecht* ‘говорите’. Но учитывая, что аблаут в императиве точно соответствует индикативу (*du sprichst, ihr sprecht*), вряд ли можно говорить, что чередование гласной является таким же показателем императива 2-го л. ед. ч., как нулевой аффикс (который действительно отличает эту форму императива от прочих форм).

способы образования возможных лично-числовых комбинаций (например, «императивы 3-го лица»). Вместо этого материал группируется в зависимости от того, какие формы в языке объединяются в одну парадигму с «каноническим императивом», и описываются последовательно языки без императива 1-го л. ед. ч.; языки, где одну парадигму в императиве образуют формы 2-го и 1-го лица, без 3-го; языки, где такую парадигму образуют формы 2-го и 3-го лица, без 1-го; языки, где формы 2-го лица противопоставлены всем остальным. Далее приводятся примеры языков, где некоторые формы «неканонических императивов» объединяются с некоторыми из «канонических», проще говоря – со 2-м лицом мн. ч., – например, в супире, где только императив 2-го л. ед. ч. имеет специализированную форму, а для других лиц и чисел используется конъюнктив.

	ед. ч.	мн. ч.
1 эксклюзивное	говорящий	говорящий + третье лицо / лица
1 инклюзивное	говорящий + адресат	говорящий + адресат + третье лицо / лица
2	адресат	адресаты / адресат + третье лицо / лица
3	третьи лица	третье лицо

Такое представление, в отличие от объединения эксклюзивных и инклюзивных форм под единой рубрикой «1-е лицо», объясняет и разное положение их в императивной иерархии (см. немного ниже), и появление «первого лица дуалиса» в императиве в самых разных языках, обсуждаемое на с. 100–101 (см. об этом явлении подробно [Dobrushina, Goussev 2005]).

Третий раздел 2-й главы посвящен императиву в английском языке. Уже известные типологические закономерности иллюстрируются на хорошо описанном и, кроме того, заведомо известном читателю материале.

Наконец в четвертом и пятом разделе обсуждается, какая семантика специфична для тех или иных лиц императива, и делаются некоторые обобщения, в частности – приводится иерархия императивных форм³:

1-е л. ед. ч. или мн. ч. эксклюзива > 3-е лицо > 1-е л. мн. ч. инклюзива > 2-е лицо

Чем выше то или иное значение в этой иерархии, тем выше вероятность того, что оно будет иметь специализированную форму им-

Здесь уместно возразить против объединения под ярлыком «1-го лица» форм 1-го л. мн. (и дв.) ч. императива, с одной стороны, и форм 1-го л. ед. ч. и мн. ч. эксклюзива, с другой. Утверждения, касающиеся «1-го л. императива» в целом, делаются во многих местах книги. Между тем по своей семантике и, соответственно, по своим свойствам эти формы максимально далеки друг от друга. Если первые (будем называть их инклюзивными) включают в число исполнителей повеления адресата и поэтому стоят ближе всего к «каноническим» императивам, то вторые (эксклюзивные) выражают повеление, если этот термин здесь вообще применим, только по отношению к самому говорящему и поэтому оказываются на самой периферии императива. Фактически в императиве стоит выделять не три, а четыре лица:

ператива; что эта форма будет обладать специфическими императивными признаками, и т. д. Отметим лишь, что расположение в этой иерархии 3-го лица дальше от «канонических императивов», чем 1-е л. мн. ч., не так однозначно: существуют, и в книге они приводятся, примеры языков с формами императива 3-го лица и без форм императива 1-е л. мн. ч.

Перейдем к 3-й главе, озаглавленной «How imperatives are special» («[Типологические] особенности императива»). В первом ее разделе рассматриваются фонологические особенности повелительных предложений – в первую очередь интонационные, но не только. Увы, интонация, которая, казалось бы, так важна для повелительных высказываний в самых разных языках, продолжает оставаться на периферии типологических исследований – в рецензируемой книге ей посвящено полторы страницы, и это, пожалуй, лучший результат среди известных нам работ по императиву. Впрочем, невозможно винить здесь только типологов: в большинстве описательных грамматик, на которые они вынуждены опираться, интонация также описывается кратко и зачастую в очень импрессионистических терминах. Далее, в разделе 3.2, рассматриваются примеры языков, где порядок слов в императивных предложениях отличается от обычного (известный пример – порядок клитик в романских языках,

³ Впервые, в несколько другом виде, она была предложена в [Храковский, Володин 1986: 23]; см. также семантическую карту императива в [ван дер Аувера и др. 2004] и ряд других работ.

например, во французском: *tu me le donnes* 'ты мне это даешь', но *donne-le-moi* 'дай мне это'). Следующий раздел 3.3 посвящен особенностям сочетания различных глагольных категорий с императивом. Как известно, некоторые категории – такие, к примеру, как лицо, число или аспект, – приобретают особые оттенки значения, сочетаясь с императивом⁴ (один из известных фактов – что имперфективные показатели в императиве приобретают значение «продолжай делать Р», а перфективные – «начни делать Р»). Наконец в разделе 3.4 речь идет об императивных высказываниях в контексте других типов клауз.

Глава 4 посвящена взаимодействию императива с другими грамматическими категориями. Не всегда можно понять, как делится материал между этой главой и разделом 3.3, о котором шла речь выше. Как бы то ни было, в главе 4 подробно рассматриваются императивные формы, указывающие на те или иные характеристики адресата (лицо, число, род и др.; раздел 4.1), на характеристики действия (аспект, время, ориентация, эвиденциальность, различные модальные значения; раздел 4.2), маркирование глагольных аргументов (раздел 4.3), транзитивность и другие аспекты семантики глагола (раздел 4.4). В разделе 4.5 под названием «Императив и форма глагола» упоминаются факты нейтрализации типов спряжения в императиве; область действия императивных форм в сериальных конструкциях, а также императивы, входящие в сочинительные конструкции (кажется, что некоторые из фактов, изложенных здесь, более органично смотрелись бы в главе 2, а другие – в разделе 3.4).

Известная типологическая особенность императивов – специфика выражения при них отрицания, как в формальном, так и в семантическом отношении. В большинстве языков выражение прохибитива не сводится к сочета-

нию обычного показателя отрицания с формой императива (русский и другие европейские языки в этом смысле – скорее исключение). Исследование прохибитива было начато А.П. Володиным и В.С. Храковским [Храковский, Володин 1986: 89–107], а в последние годы связано в основном с работами Й. ван дер Ауверы и его соавторов (см., в частности, [van der Auwera 2010] и более ранние работы). Разумеется, в книге, посвященной типологии императива, невозможно было обойти эту тему, и глава 5 целиком посвящена ей. Надо отметить, что А.Ю. Айхенвальд в меньшей степени (хотя и достаточно подробно) останавливается на формальной стороне вопроса, действительно хорошо изученной за последнее десятилетие, и больше внимания уделяет тому, как различается в утвердительном и отрицательном императиве выражение тех или иных грамматических значений (в целом – тех же, что и в главе 4, где они рассматривались вне контекста отрицания). В некоторых случаях прохибитивные конструкции возможны там, где невозможен утвердительный императив, в частности, с пассивом – например, в английском языке (*Don't be frightened* vs. **Be frightened*).

Шестая глава книги, озаглавленная «Императивы и их значения», посвящена таким типам повеления, как приказы, просьбы, разрешения и т.д. (которые А.П. Володин и В.С. Храковский называли «частными семантическими интерпретациями императивного значения» [Храковский, Володин 1986: 132–146]); категорические и некатегорические императивы; вежливые императивы и т.д. В разделе 6.1 демонстрируется, как в английском языке с помощью одних и тех же форм выражаются приказы, советы, разрешения, приглашения и пр. Раздел 6.2 начинается с утверждения, что «многие из специфических для императива значений повеления, выделенные в английском языке, в других языках приобретают формальное выражение», однако проиллюстрировать этот тезис явно не удастся. Единственный язык, приводимый в качестве примера, – это туйука⁵, и из него приводятся формы со значениями 'Пойдем' ('Let's go!' как пример «приглашения»), 'Дай я пойду' ('Let (me) go' как пример «разрешения»), аппрехенсив ('Смотри не упади'), нейтральный императив, а также особая форма, выражающая побуждение совершить действие с целью удостовериться в чем-то. Только последняя форма может рассматриваться в качестве особого императива, поскольку она су-

⁴ К сожалению, на с. 104 повторяется известное своей спорностью утверждение о том, что не-отрицательный императив НСВ в русском языке более вежлив, чем императив СВ (*Садитесь* vs. *Сядьте*), хотя достаточно взять другую пару глаголов, чтобы убедиться, что это не всегда так (*Возьмите ключи* vs. *Берите ключи*) или даже ровно наоборот (*Покажите документы* vs. *Показывайте документы*). Давно было показано, что эффект вежливости / невежливости у видовых форм русского императива определяется совсем другими факторами: см. об этом [Падучева 1992] и специально посвященную вежливости в императиве монографию [Benacchio 2010]. Впрочем, на с. 222 говорится, что императив СВ также может звучать вполне вежливо.

⁵ В конце раздела приводится пример из ян-кунтьятьяра, но здесь речь идет не об особой форме императива, а вообще о запрете на его употребление в определенной ситуации.

существует наряду с нейтральным императивом 2-го лица. Называть форму со значением 'Пойдем' приглашением (в обычном смысле этого слова; никакого другого значения для термина «приглашение» не предлагается) вряд ли стоит, поскольку она с не меньшей вероятностью может означать и приказ (когда, к примеру, мать обращается к ребенку), и просьбу (ребенок обращается к матери), и любую другую «частную семантическую интерпретацию императивного значения». Характерно, что, перечисляя выше употребления английского императива, автор под рубрикой «Invitations» приводит действительно обычные приглашения с императивом 2-го лица (*Come over and see my etchings, Feel free to call if you like*); английских конструкций 1-го л. мн. ч. с *let's* в списке на с. 198–199 вообще не приводится. Еще более парадоксален пример с 1 л. ед. ч. Форму языка туйука, переводимую как 'Let (me) go', А.Ю. Айхенвальд называет пермиссивом; в английском же на значение «permission» приводятся примеры *Yes, go ahead* и *Take as many as you like*, а конструкция *Let me see now* дается под рубрикой «self-deliberation». Нет никакого сомнения, что в ряде языков значение «self-deliberation» выражается специальной формой; также верно, что существуют специализированные пермиссивные формы, хотя и гораздо реже, но они не означают 'let me see'. Что же касается приказов, просьб, приглашений и т. д., то они, по-видимому, не грамматикализуются, как об этом писали еще А.П. Володин и В.С. Храковский [Храковский, Володин 1986: 145–146], или, во всяком случае, примеров таких языков пока нет.

Способам сделать повеление более мягким или, наоборот, более категоричным посвящен достаточно объемный 3-й раздел шестой главы. Важность этой темы для типологии императива несомненна; в любом, по-видимому, языке можно сделать приказ более или менее категоричным. Интересно при этом, что языков, где степень категоричности маркируется специальным показателем в глаголе или хотя бы в предложении, очень немного; мало таких примеров приводится и в книге. Указывается в то же время, что универсальным средством в данном случае является интонация (к сожалению, общая неразработанность типологии интонации сказывается и здесь: перечисляя языки, где интонация передает категоричность повеления, автор ни для одного из них не указывает, какая же именно это интонация). Наконец, существует множество способов снизить или усилить категоричность с помощью средств, обычно используемых для другого: частиц или суффиксов со значением типа 'немного', 'пока' или 'только'; употребления субъектного местоимения; порядка элементов во фразе; подчи-

тельных конструкций и др. Типология этих средств является отдельной увлекательной задачей, и многие механизмы, стоящие за ними, еще не поняты, но данный раздел, несомненно, – достойное введение в эту проблематику.

Глава 6 продолжается исследованием способов выражения вежливости в императиве (раздел 6.4 «Межличностные отношения в императивах»). Степень вежливости в императиве может выражаться как специальными показателями, так и использованием вместо императивов других форм или конструкций. К сожалению, здесь не вполне четко различаются случаи, где степень вежливости (в той степени, в какой она не совпадает с выражением категоричности) различается именно в императиве, и те, где представлено независимое от императива грамматикализованное выражение вежливости. В результате раздел открывается подробным описанием системы вежливых форм корейского языка, которая, безусловно, является одной из самых разработанных в мире, однако (как это видно уже из приводимой на с. 213 таблицы) никак не отличается императив от прочих форм: в императиве различаются ровно столько же степеней вежливости, сколько в других типах высказываний. Несколько далее, тоже весьма подробно, описывается система вежливого множественного числа европейских языков, также не демонстрирующая никакой специфики в императиве⁶. Наряду с этим, впрочем, демонстрируются и примеры языков, имеющих особое выражение вежливости в императиве, так что представление об этом аспекте типологии императива раздел вполне дает.

Наконец в разделе 6.5 рассматриваются пермиссивы (на этот раз это действительно формы, выражающие разрешение) и оптативы. Под последними здесь понимаются формы, выражающие пожелания, проклятия и т. д. (Н.Р. Добрушина, называющая такие формы «фактитивными оптативами», показала, что они составляют особый класс, отличный и от императивов, и от оптативов как таковых [Добрушина 2001].) В заключение раздела автор переходит к превентивным и конативным импе-

⁶ Сюда же относится вежливое употребление 3-го лица в таких языках, как немецкий и литературный итальянский. Степень подробности, с которой описывается употребление 2 лица мн. ч., несколько неожиданна не только потому, что оно не имеет прямого отношения к императиву: безусловно, книга рассчитана на англоязычного читателя, однако можно надеяться, что читатель-лингвист владеет как минимум одним европейским языком или хотя бы помнит базовые вещи из школьного курса.

ративам (последние, очень редкие и, насколько нам известно, ранее в типологическом аспекте не описывавшиеся, означают 'попробуй сделать Р').

Глава 7 посвящена императивным формам в не-императивном значении. Здесь рассматриваются условные и уступительные употребления императивов, особенно хорошо известные на английском материале, речевые формулы приветствий, проклятий и т.д., повествовательные императивы (*он возьми и приди*), употребления императивных форм в делиберативных вопросах, в сложных словах (типа *сорвиголова*) и ряд других, более редких. С включением в рассмотрение некоторых примеров также можно не согласиться, например, употребления императива в ироническом контексте (типа *Слушай его больше* – пример наш) или в речевых формулах, поскольку тут нет ничего, что отличало бы его от декларативных или вопросительных высказываний (наряду с этимологически императивным *Здравствуйте* существует и *Добрый день*, и *Как поживаете?*). Делиберативные вопросы, рассматриваемые здесь (пример из лезгинского языка на с. 251) как неповелительные употребления императива, ранее (с. 73–74, 201 и др.) включались в число полноправных императивов.

В главе 8, напротив, рассматривается употребление не-императивных форм в значении императива. Этот феномен, связанный в большой степени с избеганием императива в речи (об этом подробно говорится в следующей главе), также хорошо известен. Четыре раздела восьмой главы посвящены так называемым «императивным вопросам» («whimperatives» типа *Вы не передадите мне соль?*), декларативным конструкциям (сюда включаются не только индикативные формы, такие как будущее время, но и конъюнктивы), конструкциям подчинительного типа и безглагольным высказываниям (сюда же, правда, попадают инфинитивы). Отметим, что, хотя в большинстве случаев подчинительные конструкции, по-видимому, действительно передают смягченное повеление (с. 277–278), это не всегда так, ср. хотя бы русские конструкции с *чтоб(ы)*: *Чтоб этого больше не было!*, *Чтоб я тебя больше не видел* и т. д.

Девятая глава в значительной степени посвящена прагматике императивов. Нам неизвестны другие труды по типологии императива, которые могли бы похвастаться таким подробным рассмотрением условий и контекста употребления не только императивных форм в узком смысле, но повелений вообще, включая даже плакаты и пиктограммы. Здесь отмечается тот важный факт, что императивы часто избегаются из-за того, что они «угрожают потерей лица» адресату (по известной терминологии

[Brown, Levinson 1987]). Очень интересны замечания о контексте употребления повелительных высказываний; обсуждается, что после команды часто следует объяснение ее причины, а после запрещения – пояснение, как нужно делать (правда, каких-либо статистических данных не приводится). В последнем разделе этой главы обсуждается усвоение императивов в детской речи – также, насколько нам известно, впервые в типологической литературе: на примере нескольких языков показывается, что из глагольных форм императивы усваиваются ребенком одними из первых⁷.

В главе 10 рассматриваются источники происхождения императивов, и здесь также делается несколько интересных наблюдений. Форма 2-го л. ед. ч., то есть центральная императивная форма, является и наиболее архаичной и часто восходит к наиболее древней из надежно реконструируемых стадий языка, а супплетивные императивы могут быть единственными сохранившимися рефлексамися некогда существовавших глаголов (раздел 10.1). Если же императив является относительно новой формой, то он часто восходит к «императивным стратегиям» («command strategies»), т.е. к неимперативным формам, употребляемым для выражения повеления (см. главу 7), при этом общий принцип таков: формы, сначала употребляющиеся для более мягкого повеления, постепенно конвенционализуются в функции императива и утрачивают оттенок некатегоричности (один из хорошо известных примеров такого рода – русский императив, восходящий к индоевропейскому оптативу). Другой источник императивных конструкций – грамматикализация глаголов со значением 'идти', 'пускать', 'давать' (последний случай хорошо представлен в русском языке: *давай пойдём*, *давай иди*⁸ и др., см. об этом специально [Подлесская 2005]). Случаям такого рода посвящен раздел 10.2, а в следующем разделе, 10.3, рассматривается история прохибитива, который может, в частности, восходить к отрицанию желания или отрицанию возможности; добавим сюда отрицание необходимости (ср. русское *не надо*, постепенно грамматикализующееся в значении прохибитива: *не надо шуметь*).

Наконец, 11 глава посвящена заимствованию императивных моделей при языковых

⁷ См. на русском материале [Цейтлин 2009: 236–240].

⁸ А.Ю. Айхенвальд отмечает (с. 367, сн. 27), что ей не удалось найти конструкции типа *давай иди* ни в одном из «искусственно состряпанных» («artificially concocted») корпусов. В НКРЯ, впрочем, эти конструкции находятся без труда.

контактах. В разделе 11.1 подробно рассматривается случай языка тариана, известного А.Ю. Айхенвальд на материале собственных полевых исследований (см. подробную грамматику [Aikhenvald 2003]); приводятся примеры и из других языков. Раздел 11.2 посвящен заимствованиям отдельных императивных форм и «императивных слов». В разделе 11.3 дается попытка объяснить, почему императив оказывается в числе категорий, наиболее подверженных заимствованию в ситуации языкового контакта (впрочем, действительно ли императивные конструкции копируются чаще, чем какие-либо другие? Ответ не кажется нам очевидным).

В главе 12, как уже было сказано, дается краткое резюме всех предшествующих глав книги.

Подведем итог. Перед нами наиболее полное из опубликованных на сегодняшний момент исследований типологии императивных конструкций. Нам неизвестно ни одного типологически значимого явления, характерного для императива, которое не было бы здесь по крайней мере упомянуто. Количество исследованных языков (как уже говорилось, их около 700, и они представляют все языковые ареалы и все основные языковые семьи) позволяет предположить, что, если какие-то из этих явлений и остаются пока неизвестными, их очень немного.

Ряд особенностей императива впервые получил типологическое освещение – это в особенности прагматика императива (глава 9), происхождение императивных форм (глава 10), их распространение в контактирующих языках (глава 11).

Не всегда ясно распределение материала внутри книги. Так, семантическим особенностям лично-числовых форм императива посвящены разделы 2.4 и 3.3.2, а также 6.2 (см. об этом выше); взаимодействию императива с аспектуальной и временной семантикой – разделы 3.3.3 и 4.2.1–4.2.2; выражению повеления неимперативными формами – раздел 2.1.4 и специальная глава 8. Императив в разных языках имеет множество особенностей, не все из которых пока удастся свести в единую систему, и из-за этого исследование типологии императива неизбежно производит на читателя впечатление «мешка фактов», мелких и разнородных; однако стоило бы не усиливать это впечатление сверх необходимого и систематизировать, по крайней мере, то, что систематизации поддается.

На фоне тщательного разбора всех формальных деталей довольно небрежным кажется отношение к семантике. Собственно, ни одному семантическому термину, включая «повеле-

ние» («command») определения не дается⁹. Это не страшно, пока семантика интуитивно ясна, но четкое толкование становится необходимым там, где мы сталкиваемся с пограничными случаями. Являются ли, например, пожелания и проклятия разновидностью императива? Они упоминаются в этом качестве в разделе 6.5, но менее чем 20 страницами ниже им специально посвящен раздел 7.2 главы, озаглавленной «Imperatives which do not command» («Императивы, не выражающие повеления»); то же касается упоминавшихся выше «делиберативных вопросов». Выше, говоря о главе 6, мы упоминали разноречивость в терминологии по отношению к ряду форм не-второго лица. Характерны в этом отношении упоминания значения «разрешения». На с. 73–74 при обсуждении императива в манамбу оно усматривается и у форм 1-го л. ед. ч. ('Можно мне пойти в туалет?'), и у форм 3-го лица ('Пусть леденец растворится') – хотя в первом случае это не разрешение, а просьба о разрешении, и сходства в значении между двумя этими примерами не больше, чем между вопросом *Сколько сейчас времени?* и ответом *Пять часов*. На с. 199 в качестве примеров разрешения приводятся английские примеры со 2-м лицом, а на с. 205 наличие специальных пермиссивных форм 2-го лица демонстрируется в нивхском; наконец, в завершающей главе 12 на с. 397 говорится, что «повеление в 1-м лице [может] сдвигаться ближе к разрешению и предложению, а в 3-м это часто скорее пожелание, чем прямой приказ»¹⁰. Реальность, стоящая за этими противоречивыми утверждениями, такова: семантика разрешения (т.е. пермиссивная, а не фактитивная каузация) возможна¹¹ в любом лице императива, кроме эксклюзивных форм; эти последние в свою

⁹ В глоссарий лингвистических терминов на с. 424–432 также включены только термины, описывающие формы, но не значения. В нем есть «императив» – «наклонение, употребляемое при повелении» («mood used in commands»), но нет самого «повеления» («command»).

¹⁰ «First person commands slide into permission and suggestion and third person commands often express wishes rather than direct orders».

¹¹ До тех пор, пока не будет хотя бы для нескольких языков экспериментальных или статистических данных об относительной вероятности пермиссивной и фактитивной интерпретации разных лично-числовых форм императива, предположения о том, что для того или иного лица «более характерна» та или иная интерпретация, остаются голословными. То же касается соотношения «пожеланий» (т.е. оптатива) и повеления в 3-м лице и других подобных вопросов.

очередь могут выражать, наряду с другими значениями, лишь просьбу о разрешении.

Наконец, как уже говорилось выше, в ряде случаев императиву приписываются особенности, которые в данном языке свойственны всему глаголу в целом и не выделяют именно императив.

Перечисленные недостатки, однако, не отрицают того, что новая монография А.Ю. Айхенвальд отражает максимально полную на сегодняшний день картину типологии императива и в ряде аспектов дополняет ее. Отныне она естественным образом станет необходимой базой для любого исследования, касающегося императива в целом или системы императивных форм конкретного языка, а при полевом исследовании – еще и непосредственным руководством к действию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ван дер Аувера и др. 2004 – *Й. ван дер Аувера и др.* Семантическая карта императива-гортатива // Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию профессора В.С. Храковского. М., 2004.
- Гусев 2005 – *В.Ю. Гусев.* Типология нерегулярных императивных форм // ВЯ. 2005. № 2.
- Добрушина 2001 – *Н.Р. Добрушина.* К типологии опатива // В.А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М., 2001.
- Падучева 1992 – *Е.В. Падучева.* Семантика и прагматика несовершенного вида императива // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992.
- Подлесская 2005 – *В. И. Подлесская.* Русские глаголы *дать / давать*: от прямых употребле-

лений к грамматикализированным // ВЯ. 2005. № 2.

Храковский, Володин 1986 – *В.С. Храковский, А.П. Володин.* Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.

Цейтлин 2009 – *С.Н. Цейтлин.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.

Aikhenvald 2000 – *A.Y. Aikhenvald.* Classifiers: A typology of noun categorization devices. New York, 2000.

Aikhenvald 2003 – *A.Y. Aikhenvald.* A grammar of Tariana, from northwest Amazonia. Cambridge, 2003.

Aikhenvald 2004 – *A.Y. Aikhenvald.* Evidentiality. New York, 2004.

van der Auwera 2010 – *J. van der Auwera.* Vers une typologie du prohibitif // F. Floricic, R. Lambert-Brétière (éd.). La négation et les énoncés non susceptibles d'être niés. Paris, 2010.

Benacchio 2010 – *R. Benacchio.* Вид и категория вежливости в славянском императиве: Сравнительный анализ. München; Berlin, 2010.

Brown, Levinson 1987 – *P. Brown, S.C. Levinson.* Politeness. Some universals in language usage. Cambridge, 1987.

Dobrushina, Goussev 2005 – *N. Dobrushina, V. Goussev.* Inclusive imperative // E. Filimonova (ed.). Clusivity: Typology and case studies of inclusive-exclusive distinction. Amsterdam; Philadelphia, 2005.

В.Ю. Гусев

Сведения об авторе:

Валентин Юрьевич Гусев
Институт языкознания РАН
valentin.gusev@iling-ran.ru